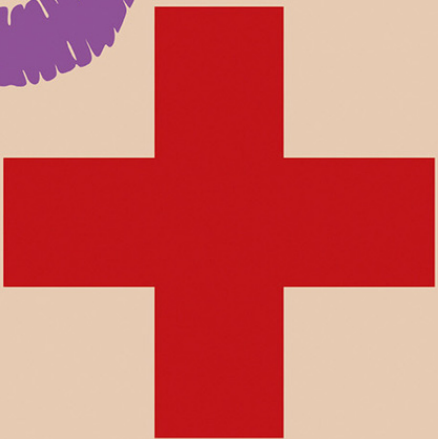

Александр Архипов

Д

Н

Ы

Ч

Ц

СУПЕР Издательство

Александр Архипов

Санычи

«СУПЕР Издательство»

2019

Архипов А.

Санычи / А. Архипов — «СУПЕР Издательство», 2019

ISBN 978-5-907137-13-4

«Санычи» – ироническая, легкая для восприятия повесть-улыбака. Написана специально для женщин, с возрастным ограничением: шестнадцать плюс – шестьдесят пять «минус». Ну, конечно же, о мужчинах! А над кем еще можно с удовольствием посмеяться и в итоге сказать: «А так тебе и надо!» Шлейф хорошего настроения будет уютно укутывать Вас до самой крайней точки последней главы. Одна умнющая и дальновидная главный редактор сказала, что «Санычей» будут разбирать на цитаты. Разбирайте, мне не жалко! А что дальше? Да пишу уже, пишу!

ISBN 978-5-907137-13-4

© Архипов А., 2019

© СУПЕР Издательство, 2019

Содержание

Это только начало	6
Два часа назад	11
Десять часов назад	13
Два с половиной часа назад	14
Время реальное	15
Два дня назад	19
Время реальное	21
Укольчик не желаете?	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александр Архипов

Санычи

© Архипов Александр, 2018

© ООО «СУПЕР Издательство», 2018

* * *

Это только начало

Уже минут пять, с небольшими паузами, в квартире № 57 звонил дверной звонок. Звук был дохленький, но даже соседям сверху было понятно – не уйдет, зараза!

По ту сторону двери из ванной комнаты – вместе с легким облаком пара – вышел голый мужчина. Минуту постоял у большого зеркала, картинно напрягая бицепсы и мышцы груди. Потом, поджав живот, пытался рассмотреть кубики на небольшом брюшке. Кубиков не увидел, но не расстроился, просто очков под рукой не было.

– Пельмени... – сам себе сказал мужчина, нежно похлопав по брюшку и запев, косясь на дверь ванной: – Я люблю тебя до сле-е-е-ез...

Продолжая любоваться своим торсом, мужчина отхлестал ладошками по своему розовому лицу и прыснул на себя чем-то причудливо-импортным из изящного пузырька. Потом взлохматил полуседую шевелюру и наконец надел белоснежный махровый халат.

* * *

Для удобства восприятия главных лиц и чтобы не запутаться в героях нашего рассказа, предлагаю этого замечательного 65-летнего мужчину назвать – Дед. А он – Александр Александрович Михайлов – все еще работающий пенсионер.

* * *

В очередной раз затренькал дверной звонок. Вырвав невидимый волосок из ноздри чуть приплюснутого носа, Дед, улыбнувшись во все зубы зеркалу, мягко ступая пушистыми тапками, пробаритонил на ходу:

– Ну, и кто там?

– Пап, это я, – с облегчением выдохнул мужской голос подъездным эхом.

– Сашка, ты, что ли? – удивленно спросил Дед, не ожидая сегодня никаких родственных визитов.

– Я, пап, я! – немного раздраженно и с искаженной дикцией ответили из-за двери.

Щелкнули замки, тяжелая дверь открылась, и на пороге появился мужчина. Слегка за сорок, почти среднего роста, в приличном костюме и с лысиной, подчеркивающей интеллигентность не в первом поколении. В каждой руке он держал по чемодану, а во рту борсетку, что затрудняло человеческое общение. Лицо у мужчины было бледным и печальным, зато глаза... глаза были красными и сияли нездоровым блеском.

* * *

Здесь я тоже хочу сделать небольшую оговорку, в надежде, что очень скоро вы, дорогой читатель, все поймете. Назовем этого мужчину с борсеткой во рту Сан Санычем. Кстати, и он тоже Михайлов Александр Александрович – главврач районной больницы. И, как, надеюсь, вы уже поняли, сын того Сан Саныча. Постарше.

* * *

– Ты чего в такую рань? Уезжаешь куда? – пропуская в прихожую сына, спросил Дед.

– Да нет! Похоже, пап, я уже приехал, – не выпуская изо рта борсетки, прошамкал в ответ Сан Саныч, – пусть пока чемоданы у тебя...

С грохотом упали на пол чемоданы, и из открытого рта вывалилась борсетка, глаза Саныча округлились, сглатывая слюну, лицо заострилось и напоминало стрелку компаса, которая двигалась за неуловимым полюсом похоти. Он пораженно смотрел куда-то мимо Деда. Дед невольно обернулся... Из ванны в спальню медленно и плавно «перетекала» абсолютно голая, великолепно сложенная женщина-ангел, на ходу изящно вытираясь полотенцем. Ее белокурые мокрые волосы волнистым каракулем падали на мраморную кожу плеч и спины. У входа в спальню ангел остановился, нисколько не смущаясь, посмотрел в сторону любующихся ею мужчин и игриво подмигнул то ли голубым, то ли карим, то ли серым глазом... Цвет глаз никто не заметил. В глаза мужчины не смотрели.

– Антонина Петровна! – с нежной гордостью выдохнул Дед.

– А??? – возвратился на землю Сан Саныч.

– Антонина Петровна, говорю, иногда убираться ко мне приходит. Ты чего, собственно?

– Па, давай вечером, – засуетился сын, глядя на часы и двигая к стене свои чемоданы. – Работа!

– Так вечером я... – попытался придумать Дед, показывая недвусмысленно на спальню.

– После шести буду, – уже из подъезда крикнул Сан Саныч, торопливо сбега по ступеням.

Дед в сердцах хлопнул дверью, постоял, раздумывая над ситуацией, пнул чемодан и,глянув еще раз на себя в зеркало, направился в спальню. Перед входом в спальню распахнул халат и, затаив «...я люблю тебя до слез...», толкнул дверь от себя. Эффект был неожиданным. Опять зазвонил дверной звонок. На этот раз звук его казался неприятным, я бы даже сказал, просто отвратительным! Дед натянуто улыбнулся вглубь спальни, запахнул халат, морским узлом завязав пояс, и армейским шагом пошел к двери.

– Забыл чего, Сашка? – открывая дверь, спросил с некоторым раздражением Дед.

– Дед, открывай быстрее, я в универ опаздываю и писать хочу, – ответил молодой голос, тембром напоминая голос самого Деда.

Дверь открылась, и в прихожую, выдавливая Деда из проема двери, ввалился высокий молодой парень лет 20–22. Коротко стриженный, в драных джинсах, линиялой футболке и выдавших виды кедах. На широком плече, похожий на гигантский батон «Любительской» колбасы из рекламы, лежал большой боксерский мешок, за спиной огромный туристический рюкзак, с притороченной бухтой альпинистской веревки, а подмышкой шевелил колесиками скейт. Но это еще не все! В одной руке он держал горный велосипед, с налипшими на колеса кусками грязи, а в другой за петельку волочился толстый чемодан, на попискивающих колесиках.

– Я ж тебе ключ давал, балда! – пятась и уступая молодому напору и чужому имуществу, обалдело произнес Дед.

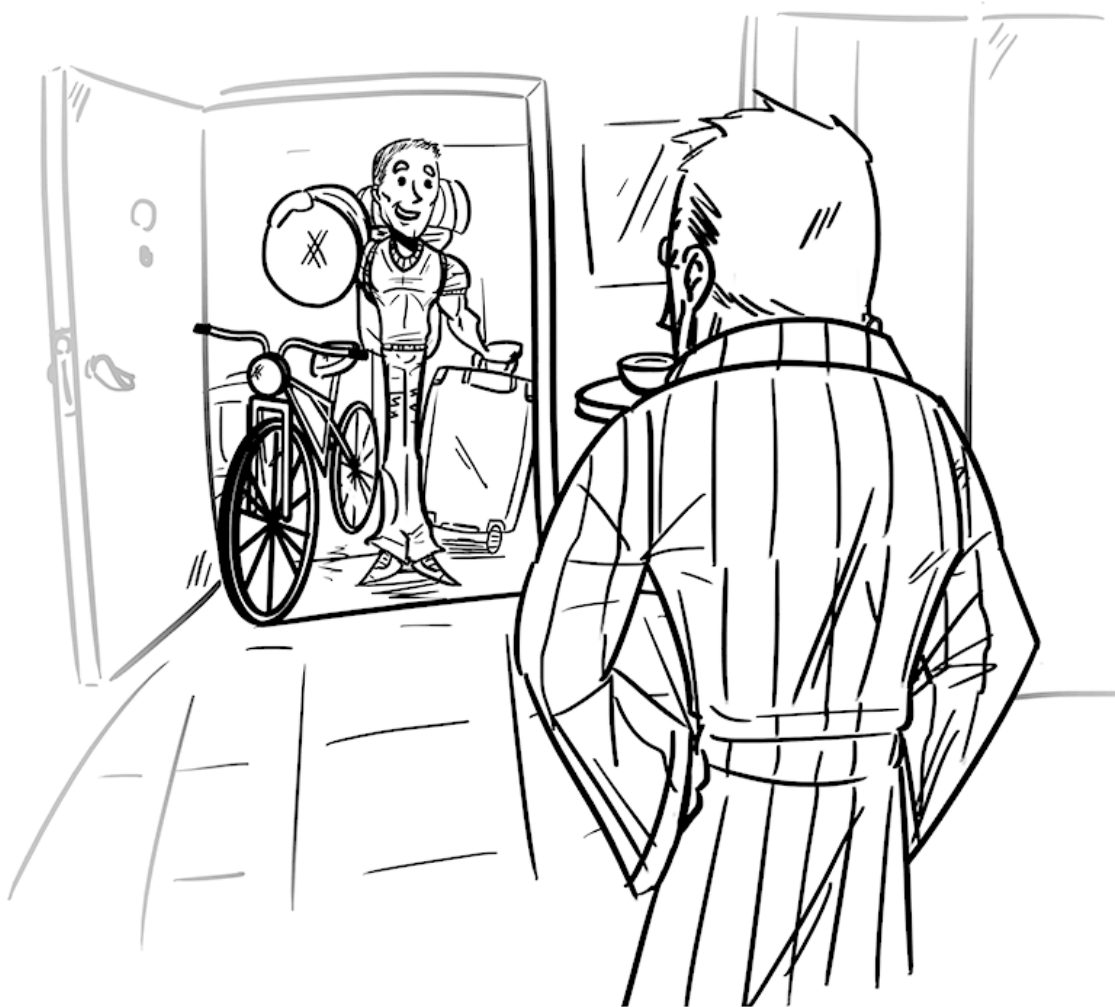
– Да посеял я его! Здорова, старик! Представляешь, таксисты везти не хотели, еле уболтал одного таджика, – жизнерадостным голосом сообщил молодой человек, пытаясь протащить пожитки куда-нибудь вглубь...

* * *

Предлагаю в очередной раз отвлечься от основной темы с тем, чтобы договориться, что этого паренька мы с вами, между собой, будем звать Сашка. Не поверите! Но и у этого студента-дипломника в паспорте значилось, что он Александр Александрович Михайлов. Родственники. Внук – Сын – Дед! Догадались? Поехали дальше!

* * *

– Не понял! Сегодня что, опять первое апреля? Ты зачем все это припер, Санек? – принципиально не давая сгрузить с плеча боксерский мешок, начал закипать Дед.

Раздался звук включенного пылесоса, и в комнату вошла со шлангом в руке Антонина Петровна, одетая только в бикини, короткий голубенький передничек в оборочках и в туфельках на высоком каблучке. Мило улыбнувшись и приветливо помахав Сашке, она, красиво изогнув спинку, начала пылесосить паркет и, изящно двигая телом, продвигалась вперед... правда, спиной вперед. Или как еще попонятней? Включила заднюю передачу! Внук старательно вытягивал шею и старался заглянуть Деду через плечо, но тот напирал, перекрывая зону обзора махровым полотенцем, упираясь в боксерский мешок и используя разницу в весе.

– Дед, а Дед! Напомни, из-за чего вы с бабушкой расстались? – горячо шепнул Сашка на ухо Деду, восторженно глядя на Антонину Петровну.

– По идейным соображениям! Подрастешь – поймешь... – упираясь, скользя тапочками по паркету, Дед.

– Дед! Мне нравятся твои идеи! – сбрасывая боксерский мешок прямо Деду на тапочки, восторженно изрек идейный последователь и наследник.

Дед, ойкнув, развернулся и, расставив как можно шире руки, пошел, прихрамывая, загонять Антонину Петровну обратно в лоно спальни. Та игриво отмахивалась щеткой пылесоса,

пропустив шланг между красивых ножек, звонко смеялась и наконец, весело цокая каблучками, нырнула в свою норку. Дед решительно развернулся, но было поздно: все вещички студента уже были разгружены и непреодолимой кучей громоздились посреди прихожей, а из-за двери туалета журчало.

– Может, объяснишь? – уже спокойно спросил Дед, поняв, что исправить что-либо невозможно.

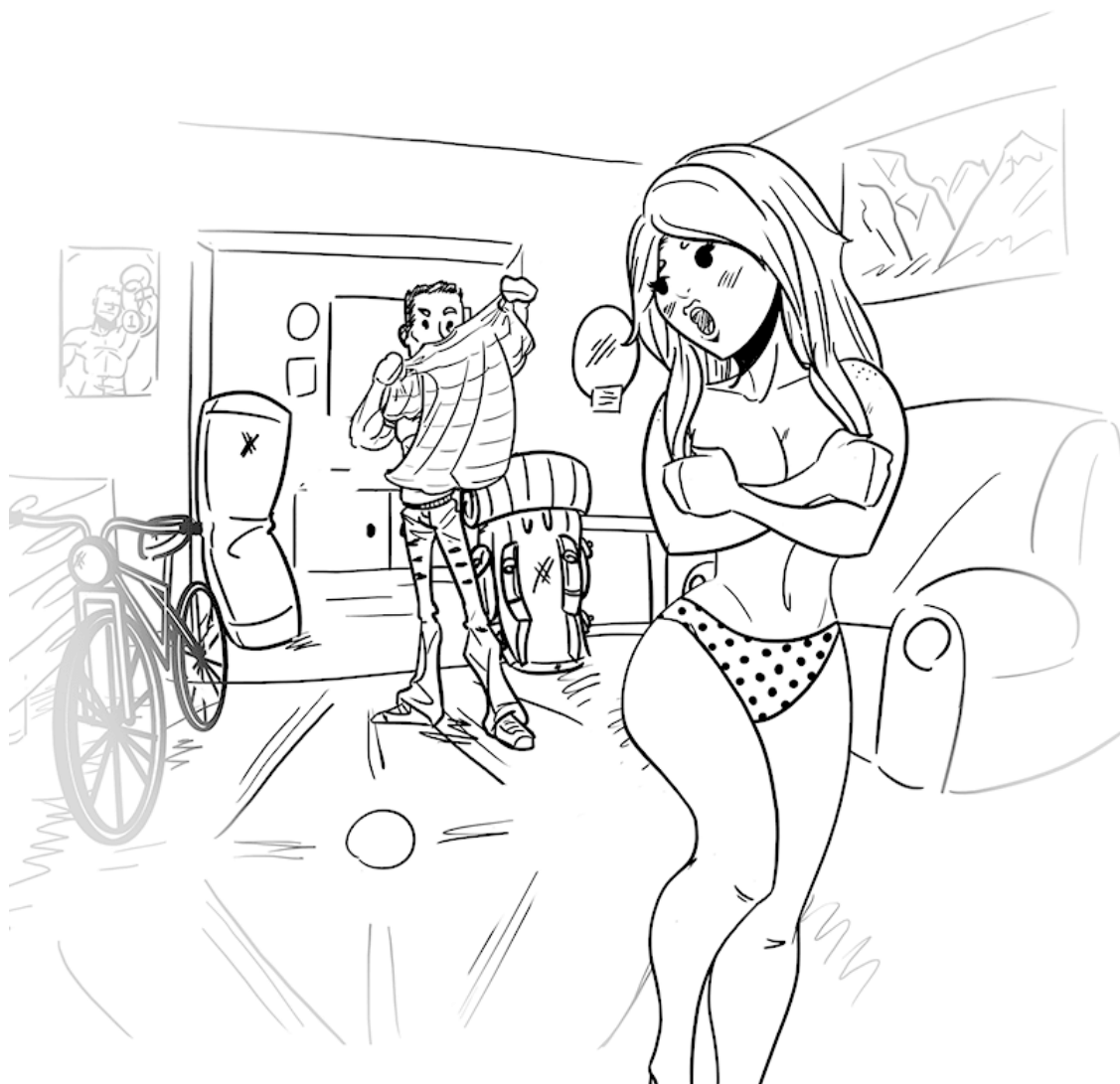
– Не парься. С Ленкой поцапались. Поживу у тебя месяцок-другой... К родокам не хочу. Начнется: что...? чего...? почему...? Только ты меня не сдавай! Все! Убежал! На ужин пельмешек свари. А ну-ка, поддержи! – попросил Сашка, подняв тяжеленный боксерский мешок и вложив его в руки Деда.

Наивный Дед обнял мешок как родного, не видя, что происходит по ту сторону. Сашка, хитро улыбнувшись, встал в боксерскую стойку и, резко выдохнув, со всей дури врубил по мешку, от чего Дед чуть не упал, запутавшись в халате. Потом, довольный получившимся розыгрышем, увернувшись от запущенного в него пушистого тапочка, нырнул за дверь и побежал вниз по ступенькам, на ходу надевая рюкзак с конспектами и учебниками.

Дед оглядел кучу вещей, почесал живот и с досадой бросил туда же боксерский мешок. Потом закрыл глаза, покачал головой, произнес какое-то заклинание... открыл глаза. Куча была на месте и даже не уменьшилась.

– Это не со мной! Антонина Петровна! А давайте-ка, голубушка, еще раз в спальне пропылесосим! Впрок! – наконец проявил инициативу Дед, вспомнив об ангеле в своей спальне.

Два часа назад

Из-под одеяла, отсвечивая розовыми пятками, торчали три ноги. Четвертая нога, повышенной лохматости, медленно выползла и спустилась на пол. Она ерзала по полу, смешно шевеля пальцами, нащупывая тапок. Потом рука и еще одна волосатая нога, следом задница в семейных трусах в полоску и наконец коротко стриженная, во весь рот улыбающаяся голова. Осторожно скользя тапками по кафелю, проснувшийся двигался в сторону ванной комнаты. Это был Сашка. Резко и неожиданно утреннюю робкую тишину однокомнатной съемной квартиры безжалостно испугал звонок будильника. Путаясь в одеяле и в своих длинных волосах, с постели подлетела девушка лет двадцати в полосатой майке-тельняшке огромного размера и... Нет, на ней была только майка! Она рывком спрыгнула на пол и быстро зашлепала босыми ножками к ванной. Но прямо перед ее носом дверь захлопнулась, оставив в коридоре смесь из запахов только что сходявшего в туалет Сашки и уже вылитого на голову шампуня для мужчин.

– Ну, Санька... так не честно! – повиснув на дверной ручке, захныкала девушка.

– Я быстро, Лен, даже бриться не буду! – крикнул, включая воду в душе, чемпион дистанции кровать – ванна.

На всякий случай показав двери язычок, Леночка села на корточки, прислонившись к двери. Ее длинные русые волосы рассыпались по плечам, голубые глазки закрывались, и она, завернувшись в свою полосатую моряцкую ночнушку, приготовилась вздремнуть пару сек... Но разве с ним вздремнешь?

– Не спи, замерзнешь! – перекрикивая шум воды, заорал Сашка.

– А? Сань, а у тебя когда сессия заканчивается? – вставая и прислоняя ухо к двери, спросила Лена.

– Во вторник последний экзамен. А что?

– Наши ребята с курса в Египет собираются, – поджав губки, сообщила Лена, слушая дверь.

Но дверь молчала. Что-то хлюпало, булькало и сливалось...

– Я говорю, наши ребята на каникулах в Египет едут, аж на десять дней, – прокричала, прижимаясь носиком к шершавой двери, Ленка.

Вода идти перестала. Зато что-то заклокотало и высморкало.

– Ну что за дурацкая привычка молчать, когда тебя спрашивают? – одновременно врезав по двери пяткой и ладонью, возмущенно крикнула Лена.

– Просто у меня нет дурацкой привычки разговаривать с зубной щеткой во рту, дорогая, – открыв дверь, поумничал Сашка,дохнув свежим запахом хвои, ромашки, мяты и еще какой-то химии...

– Сань, а давай в Египет полетим, – повиснув на Сашкиной шее и громко поцеловав его в ухо, сказала отличница и спортсменка, выталкивая парня из ванной комнаты.

– Ленусь, я обещал своему дедушке на этих каникулах помочь дачу отремонтировать. Крыша течет. Я же тебе говорил, он у меня старенький, болеет часто. Ну как я могу отказать? – ответил студент-дипломник и дедушкина единственная опора, занимая место у двери в ванную.

Из ванны, с торчащей изо рта зубной щеткой, вылетела с возмущенным лицом Ленка. Брызгая зубной пастой и размахивая маленькими кулачками, она с негодованием закричала:

– На зимних каникулах ты мне тоже говорил, что твоего дедушку практически парализовало и некому его с ложечки кормить... А твой дружок Витька проболтался моей Лизке, что вы почти две недели на лыжах куролесили по Карелии. Гад!

– О! Точно! Давай лучше в Карелию махнем. По речкам на байдарках! – мечтательно произнес Саша.

– Иди ты со своими байдарками! До сих пор задница болит. В цивилизацию хочу, – простонала Ленка.

– Иди ты со своей цивилизацией! И вообще, езжай куда хочешь, – кинув в Ленку мокрым полотенцем, огрызнулся человек без завтрака.

– Это я «иди»? Это я... «куда хочешь»? Вот ты сам и иди! Пока еще мои родители за эту квартиру платят! Иждивенец!

Возмущенно повизгивая и бормоча себе что-то под нос, Ленка бегала по квартире, собирала и стаскивала ближе к выходу Сашкины вещи. Тот, не спеша одевшись и налив себе кружку чая, пил и молча наблюдал за маленьким полосатым демоном.

С балкона, как козла за рога, вывела горный велосипед со словами:

– Вот твоя подвижность!

Потом попой вперед – с большим трудом, волоком – выперла большой боксерский мешок.

– А вот твоя неподвижность! Скатертью дорога, байдарочник, – показала пальчиком на дверь, вспотевшая от трудов праведных, ответственный арендатор.

Допив свой чай с единственным и последним в доме скрюченным бубликом, Сашка не спеша помыл и протер кружку, упаковал ее в рюкзак и медленно подошел к Лене.

– Ручки подними! – загадочно попросил он, заглядывая Леночке в глазки.

– Еще чего! – шлепнула босой ножкой по кафелю Лена, спрятав руки за спину.

– Подними ручки, зайка! Ну, пожалуйста! – как мог нежно, таинственным шепотом произнес бойфренд.

Леночка, что-то про себя поняв, улыбнулась, прикрыла глазки и, как лебедка белая, грациозно подняла ручки вверх.

Резким движением, снизу вверх, Сашка стянул с нее полосатую майку-тельняшку.

– Моя! Дед подарил! – пробасил Сашка, оставив стоять посреди комнаты Леночку, успевшую после сна надеть трусики в голубой горошек.

– Ну, гад! Ну, гад же! Ненавижу тебя! – фальцетом заорал обиженный и униженный голубоглазый ангел, выбрасывая на лестничную площадку скейт и пузатый чемодан.

Все остальное успело выбежать само!

Десять часов назад

Тихо шелкали, передвигая секундную стрелку, электронные часы на стене кухни. Еще пару полных секундных оборотов и будет ровно 23. 00. Кухонный стол ломился! Тут тебе и котлетки по-киевски, и картошечка, запеченная с грибочками, а в длинной тарелочке – селедочка, как бы плавает в зеленом лучке. И, конечно, чемпионы по слюноотделению – половинки яичек вкрутую с горками красной икры. Салат оливье на столе не поместился... но он был!!! В центре стола, как символ семейного благополучия, возвышалась бутылка полусладкого шампанского и пол-литра дагестанского коньяку. Лучший – и он же единственный в доме – хрустальный набор бокалов многократно отражал желтоватый свет трех лампочек кухонной люстры. А четвертой, перегоревшей, было просто стыдно за себя.

Хозяин квартиры, он же и виновник этого кулинарного излишества, мирно спал в кресле в позе «нога на ногу». Звали его Александр Александрович Михайлов. Или, как мы с вами договаривались, Сан Саныч. Он спал в выходном костюме, в галстук и стоптанных домашних шлепках, так и не дождавшись свою жену Олю, присев «на минутку» после кухонной суеты. Широко открытое кухонное окно, как антенна локатора, улавливало все околосадовое звуки, фильтруя их на «свой – чужой».

Во двор въехал черный «мерседес», тараня тишину позднего вечера тяжелым роком из всех своих открытых окон. Скрипнули тормоза, и все открытые подъезды пятиэтажной хрущобы с удовольствием повторили многократным эхом этот звук. Сан Саныч проснулся... С довольной улыбкой осмотрел стол, заглянул за кресло, где был спрятан сюрприз – букет алых роз в трехлитровой банке, – подошел к окну и посмотрел вниз.

Высокий мужчина в модном джинсовом костюме подал руку выходящей из «мерседеса» даме. Невысокая, стройная блондинка в длинном вечернем платье «под зебру». Это была она. Его Оля. Неожиданно мужчина подхватил ее на руки, начал кружить, целовать, что-то шептать на ушко. Она тихо смеялась, подставляя шею, грудь, плечи для поцелуев. Сан Саныч отшатнулся от окна, заметался по кухне в поисках очков. Пятый этаж, все как в тумане! Нашел, надел, чуть не вывалился... Что они делают? В свете подъездного фонаря было хорошо видно, как этот ковбой обнял ее, притянул к себе, и они слились в долгом нежном поцелуе.

Какая же она была податливая в его руках. А его руки... его руки ласкали ее открытую спину, опускаясь ниже за вырез платья, и страстно тискали ягодички. Не может быть!

Сын снял очки, подошел к столу и налил себе полный фужер коньяку. Выпил. Подбежал к окну и закричал с надрывом:

– Оля-я-я-я!

– Спи, мужик! – спокойным голосом сказал джинсовый красавчик, садясь в машину. Оли уже не было...

Саныч, пошатываясь, отошел от окна, машинально налил еще один фужер коньяку, жадно выпил его, постоял качаясь и, растопырив руки, заученным маршрутом направился в спальню.

Два с половиной часа назад

Раннее утро в городе ни с чем не перепутать. Начинают дворники. Потом сосед. Сволочь. Деньги на аккумулятор экономит и гоняет стартер минут десять, вынимая душу. Приехали мусорщики. Здрасьте! Скучали без вас! А еще громче можете? Потом соседка Валя тащит с пятого этажа своих близняшек, ненавидящих детский сад. И их стерео-истерика не заглушит ни подушка на голову, ни голова в подушку! Как дети в таком возрасте могут орать басом?

А вот когда утром просыпаешься в носках, трусах, очках и в галстук, это вызывает вопросы. И у Сан Саныча Михайлова они были! Вспоминать позор долго не пришлось, тем более что на спинке кровати висело то самое... вечернее платье «под зебру». Почему-то при-слоняясь спиной к стене, скользя майкой по обоям, Саныч пошел в разведку. Дверь в ванную комнату была прикрыта не полностью. Шумел душ, и легкое сопрано выводило «...я люблю тебя до слез...». Как же было обидно! И больно! Решение было принято мгновенно. Встав на кухонную табуретку, Саныч достал с антресолей два пустых чемодана. Не глядя вывернул из своей половины шкафа одежду, утрамбовал ее в чемоданы, а не влезшие носки с трусами рас-совал по карманам костюма. Потом впопыхах оделся, забрал из трюмо свой паспорт, диплом и толстую папку с почетными грамотами.

– Санчи-и-и-и-ик! Пора вставать! Вынеси мусор! – донеслось из ванной. Видно, почув-ствовала движение. Гадюка!

Волоча старые неудобные чемоданы, Саныч подошел к зеркалу в прихожей, выбрал самую яркую помаду и написал:

«ПРОЩАЙ! Я БЫЛ С ТОБОЙ СЧАСТЛИВ! БУДЬ И ТЫ С НИМ!»

Потом, повесив на крючок свой ключ от квартиры, обивая углы прихожей чемоданами, захлопнул дверь.

Время реальное

В нашей стране рабочий день у всех категорий трудящихся заканчивается примерно в одно время. И только врачи, студенты и спортивные тренеры портят общую картину.

– Ты смотри, подошел, а я думал, что посеял, – сам себе удивился Сашка, открывая дверь в квартиру Деда своим ключом.

Сессия заканчивалась, причем заканчивалась без особого кровопролития. С учебой у младшего Михайлова проблем, слава богу, не было. Да и какие могут быть проблемы у кандидата в мастера по боксу, победителя всех мыслимых и немыслимых университетских соревнований. Скоро, совсем скоро он станет величайшим хирургом современности. На его счету уже три аппендикса! Вернее, он присутствовал на операциях... но то ли еще будет. Главное, крови не боялся. Боксер!

У Сашки до сих пор перед глазами маячила тень шикарной фигуры Антонины Петровны со шлангом от пылесоса в нежных руках. У Деда была сегодня тренировка. А где тогда она?

– Антонина Петровна-а-а! – негромко, с придыханием позвал Внук, стягивая с ног кеды, тем самым добавляя в местную палитру запахов что-то свое... особенное.

В ответ включился старинный дедовский холодильник, испугав своим рокотом карьерного самосвала стаю голубей на подоконнике. Пахло мужским дорогим одеколоном, слегка щекотал обоняние запах смеси лавра благородного и черного индийского перца, доносящийся из кухни. Женщиной тут и не пахло!

– Петровна! Вы дома? – уже без надежды на бесплатный стриптиз спросил, увидев стоящий в прихожей уже холодный пылесос, застенчивый юноша. – И где она? Опять задушил и спрятал? Синяя Борода! – начал храбриться после недолгих поисков спортсмен-разрядник.

Прихватив из прихожей тяжелый боксерский мешок, он ходил из комнаты в комнату и смотрел оценивающе на потолок. Получалось, что лучшим местом для мешка была спальня Деда. Осталось найти те убедительные аргументы, которые...

Неожиданно что-то проямлил дверной звонок, и Сашка, обнимая, как родного, свой мешок, пошел открывать. На пороге стоял его отец – Михайлов Александр Александрович, то есть Сан Саныч, как мы с вами и договаривались.

– Привет, сынок, а ты чего здесь?

– Здорова, па, а у меня ключ... Деду обещал, – не объясняя, ответил Сашка, путая следы.

– А Дед?

– Так вторник сегодня, тренировка у него. Попросил к его приходупельменей сварить, – ответил Сашка и, поставив мешок на старое место, повесил полотенце на шею и пошел на кухню.

– Здорово! Пельмешки – это хорошо! Давненько я пельмешки... – Быстро сбросив туфли и повесив пиджак, Сан Саныч, потирая от предвкушения руки и шаркая дедовскими тапками на три размера больше, пошлепал за Сашкой на кухню.

Мягко щелкнув, открылся дверной замок. В прихожую, по-хозяйски вытирая кроссовки о коврик перед дверью, бодро вошел третий по счету и первый по семейному рейтингу Михайлов Александр Александрович. По прихожей поплыл сложный и так нравящийся редким женщинам, знающим толк в настоящих мужиках, запах. Смесь амбре натруженного мужского тела, кожи боксерских перчаток, засохшей крови на бинтах и разогретой смазки тренажеров.

Сбросив с плеча спортивную сумку и увидев две пары лишней мужской обуви, но не увидев своих тапочек, Сан Саныч логично спросил:

– Эй! А кто, собственно, дома? – Потом подумал и добавил: – У меня на...

Из кухни в прихожую, шумно и дружно, вывалилась толпа из двух Михайловых Александров Александровичей. Средний за уши держал пятилитровую кастрюлю, а младший шуршал двухкилограммовыми пакетами мороженных, якобы «Сибирских пельменей».

– Здравствуй, папа, – интеллигентно поздоровался Сын.

– Привет, старик! – тряхнув пакетами, как маракасами, приветствовал младший.

– Опаньки! Сан Санычи! Все в сборе, когда такое было-то? – заулыбался старший Михайлов.

– Пап, у нас тут спор научный. Что сначала? Пельмени в кастрюлю, а потом воду... – спросил Саныч.

– Или сначала воду, а потом пельмени? – усугубил задачу Сашка.

– Балбесы! Надо было еще в детстве в ведре вас утопить. Сначала сварить кипяток! А, собственно, что случилось-то пацаны? По какому случаю незапланированный сбор? – глядя на сразу переставших шутить родственников, спросил Дед.

– Я при нем не буду, – уходя на кухню, мрачновато сказал Саныч.

– Тогда я тоже, – развернулся в том же направлении его отпрыск.

– Понятно все с вами. Тогда ставьте пельмени. Только не переварите! Масло в морозилке. Я в душ, – на ходу раздеваясь, сказал Дед.

Аргентинским танго зазвонил телефон Деда. Секунду помедлив и в мыслях перечеркнув все грандиозные планы, намеченные на сегодня, изменившись в лице и голосе, он ответил:

– Да, Антонина Петровна! Да что вы... Я все помню. Сейчас?... Сейчас в Шереметьево. Лечу в Чикаго на курсы повышения квалификации. Внезапно вызвали, как самого... Даже не знаю... Конечно привезу! И я вас!

Потом, грохнув в досаде дверьми, снял с себя пропотевшее белье и метнул его в открытый иллюминатор стиральной машины. Та икнула от неожиданности и, булькнув что-то обидное в ответ, захлопнула дверку и нервно заурчала.

– Чудо, что за женщина! – мечтательно прошептал старший Михайлов, выдавливая на голову крем для бритья и показывая кулак распоясавшейся стиралке.

Тем временем на просторной кухне, где каждая солонка знала свое место и не путалась под руками, орудовали два распоясавшихся кулинара, заранее распределив между собой фронт работ. На плите что-то побулькивало и даже неуволимо пахло чем-то съедобным, не успев самоликвидироваться. Не оборачиваясь к коллеге, помешивая по часовой утонувшие пельмени, Сашка первый задал вопрос:

– Пап, ты чего, маму бросил?

«Совсем взрослый», – подумал Сан Саныч, кромсая лук в салат и обливаясь слезами. Но спросил о другом, шмыгнув носом:

– А другая версия тебе в голову не приходит?

– Какая такая «другая»? – повернувшись к отцу, раздраженно спросил Сашка.

– Ты уже взрослый, сынок... – шумно подтягивая сопли, всхлипывая и вытирая с лица слезы – следствие злющего лука, – промямлил папаша.

Сердце у Сашки не каменное. Утопив ложку в закипающих пельменях, он бросился к обливаемому слезами отцу. Притянув к своему девяностокilограммовому торсу шестидесяти пяти килограммовое тело папы, крепко обнял его. Как только мог крепко... и срывающимся голосом, почти по-отечески, сказал:

– Да не переживай ты так! Прорвемся, батя!

– Пусти, дурак! Я в порядке! Лук! Это лук... – выпучив глаза, пытался избавиться от телесных нежностей здорового как бык сына Сан Саныч.

Семью спасли закипевшие и пробующие совершить необдуманный побег пельмени. Плита зашипела, призывая сделать огонь поменьше, а всплывшие пельмени напомнили о «главное не переварить!». Медлить было нельзя, тем более что шум воды в ванной прекра-

тился. Как открывается дверца в холодильнике у Деда, они знали с детства, поэтому очень скоро на большом семейном кухонном столе уже стояли тарелки с квашеной капусточкой, солеными помидорчиками и огурчиками, а также салатик из свежих овощей.

Открылась дверь ванной, и пахнувший пеной для бритья, небритый, но очень чистый в кухню вошел улыбающийся Дед. И уже при нем в огромную керамическую миску были отброшены всплывшие, набухшие от мясного сока пельмешки. Сан Саныч засыпал их сверху заранее приготовленной, мелко порубленной смесью зеленого лука, укропа и петрушки. А Сашка, бешено крутя ручку мельницы, обильно поперчил смесь разноцветных перцев.

Дед хмыкнул, подошел к легенде советского «Машпрома», открыл морозильник и достал пачку сливочного масла. Потом, отрезав ровно половину, со словами «Сашу маслом не испортишь» утопил его в пельменях.

Точка была поставлена. Народ оживился. Заерзали стулья, зазвякали вилки и ложки. Немного поспорили, сервируют ли к пельменям ножи, но потом демократично решили – пусть будут! Расселись. Но вдруг Дед, заговорщицки подмигнув Сашке, подошел к холодильнику и, пошерудив пакетами и свертками, достал бутылку водки.

– Али мы не русские?! Али не мужеского роду-племени?! – артистично продекламировал товарищ Михайлов.

Думаю, реакцию мужчин на ужин с пельменями и всяко разными соленьями да под водочку описывать не стоит. Описано-переописано!

Прошел час. Сашка, подперев кулаком стриженую голову, задумчиво гонял в тарелке маринованный грибок. Сан Саныч, закатав правый рукав белоснежной рубашки, забыв о манерах, ел руками квашеную капустку. Он брал ее по чуть-чуть, запрокидывал голову и открывал пошире рот. Рука плавно шла вверх и зависала, прицеливаясь. Капуста сочно капала на очки, щеки и нос Сан Саныча, а потом организованно падала в рот. Дед, поймав взглядом свою почти полную рюмку, понял, что что-то пропустил... Посмотрел на дно керамической миски и, не увидев ни одного «сибирячка», взял рукой из тарелки Внука грибок, поднял рюмку и сказал:

– Я очень рад вам, пацаны! – одновременно обозначив окончание трапезы и начало мужского разговора.

Пацаны заерзали, поглядывая друг на друга, как провинившиеся дети.

– Сашка, марш спать! – строго пробасил Дед, глядя себе в тарелку.

Сан Саныч и Сашка послушно и безропотно встали из-за стола.

– Куда? Ты сиди, – дернув Саныча за рукав, сказал Дед. – Малой, спишь на лоджии или в тренажерке. Будильника нет, не вздумай проспять у меня...

– Спокойной ночи, Санычи, у меня будильник в телефоне, – зевая, сказал Сашка и, обняв боксерский мешок, поволок его на лоджию.

– Маньяк, – с теплотой в голосе сказал Дед и, повернувшись к сыну, кивнул головой: – А теперь рассказывай, сынок.

– Сначала? – засомневался Сан Саныч.

– С него милый, с него!

– Началось все с того, что позвонил Лёвка Ройзман, мой одногруппник по мединституту. Помнишь его? – начал свой рассказ Сан Саныч.

– Это тот Лёва, котогый после тгетьего кугса в стгойотгяде у тебя Танюшку отбил? – специально картавя, решил поиздеваться Дед. – Танечка... Конечно помню! Кто ж ее не помнит? Фигура как гавайская гитара...

– При чем здесь это, папа? Лёва Ройзман вернулся из Израиля и открывает частную клинику. Меня зовет к себе главврачом.

Два дня назад

Было обеденное время, и практически все уличные кафешки были забиты студентами и бюджетниками. Найти Лёву оказалось просто. Одно стояночное место занимал его шикарный белый «мерседес», а на втором, широко расставив короткие ножки и размахивая ручками, стоял сам Лёва, разгоняя голодающих на подъезжающих машинах. Сан Саныч, «бибикнув» и моргнув одной фарой, бодро покатыл на Лёву. Тот, смешно отпрыгнув назад и покрутив пальцем у виска, показал Санычу на свободный столик.

Лёва с опаской пошатал жиденькое пластмассовое кресло и осторожно присел. Потом по-барски помахал в сторону официанта и сказал Санычу:

– Я уже все заказал. Сейчас принесут.

– Я только кофе, – подозрительно глядя на Лёву, сказал Саныч.

Просидели молча, глядя, как едят и пьют за другими столиками, минут пять. Не несли. Лёва встал, подтянул под самый кадык галстук и, шумно сопя, пошел на официанта. Саныч успел прошипеть вслед:

– Лёва, ты не в Хайфе!

Удивительно, но через минуту к столику подошла с широко раскрытыми глазами и ртом пожилая девушка-официантка и выгрузила на стол графинчик с коньяком, тарелки с порезанным лимоном и сыром и, улыбнувшись, уверенно сказала:

– Плиз! Кофе бай файв минетс!

– Вот что значит знать иностранные языки! – сказал подошедший Лёва, гордо ставя на стол два коньячных бокала.

– Я извиняюсь спросить, о каких языках речь? – поинтересовался Сан Саныч.

– Иврит, братец, иврит, – гордо ответил Лёва, приветливо помахав запавшей на него официантке-полиглоту.

– Лёва, мне не надо! – замахал на налитый в его бокал коньяк Саныч, – мне еще на работу и за рулем я.

– Надеюсь, ты принял решение, и я хочу выпить за моего друга, за главного врача суперклиники, гордости современной медицины, – втискивая в руку Саныча бокал, торжественно говорил Ройзман, – за науку, которую двигают...

– Лёва, я хочу, чтобы ты меня понял...

– Саша, ты дурак? Ты глухой? Ты миллионер и тебе уже ничего не надо? – говоря в коньячный бокал, как в микрофон, негодовал Лёва.

– Ты никогда меня не понимал, – грустно сказал Саныч, отхлебнув божественный напиток.

– Да! Представь, я ничего не хочу понимать. Чертов ты совок! Я предлагаю тебе престижную работу, о которой мечтают многие талантливые врачи России. Я предлагаю тебе, наконец, продолжить свою научную работу. Зеленый свет! Пожалуйста! Наконец, я предлагаю тебе зарплату, месячный эквивалент которой равен твоему годовому доходу. Балда! Ты понял, что я тебе предлагаю? И это только начало! – не на шутку разошелся Ройзман.

– Лёва, у меня в больнице сложился хороший коллектив, сотрудники...

– Да иди ты в жопу со своим коллективом и туда же сотрудников прихвати! Смотри туда... – вскочил с пластмассового кресла Лёва.

Лёва разгоряченно тыкал кусочком лимона в ослепительно-белоснежный «мерседес». Вместе с Санычем в сторону «мерседеса» посмотрела добрая половина посетителей кафешки, одобрительно цокая языками и кивая головами. Саныч невольно скосил глаз на свою шестерку «жигулей». От пятен сурика и шпатлевки она была похожа на южноафриканскую гиену после неудачной охоты.

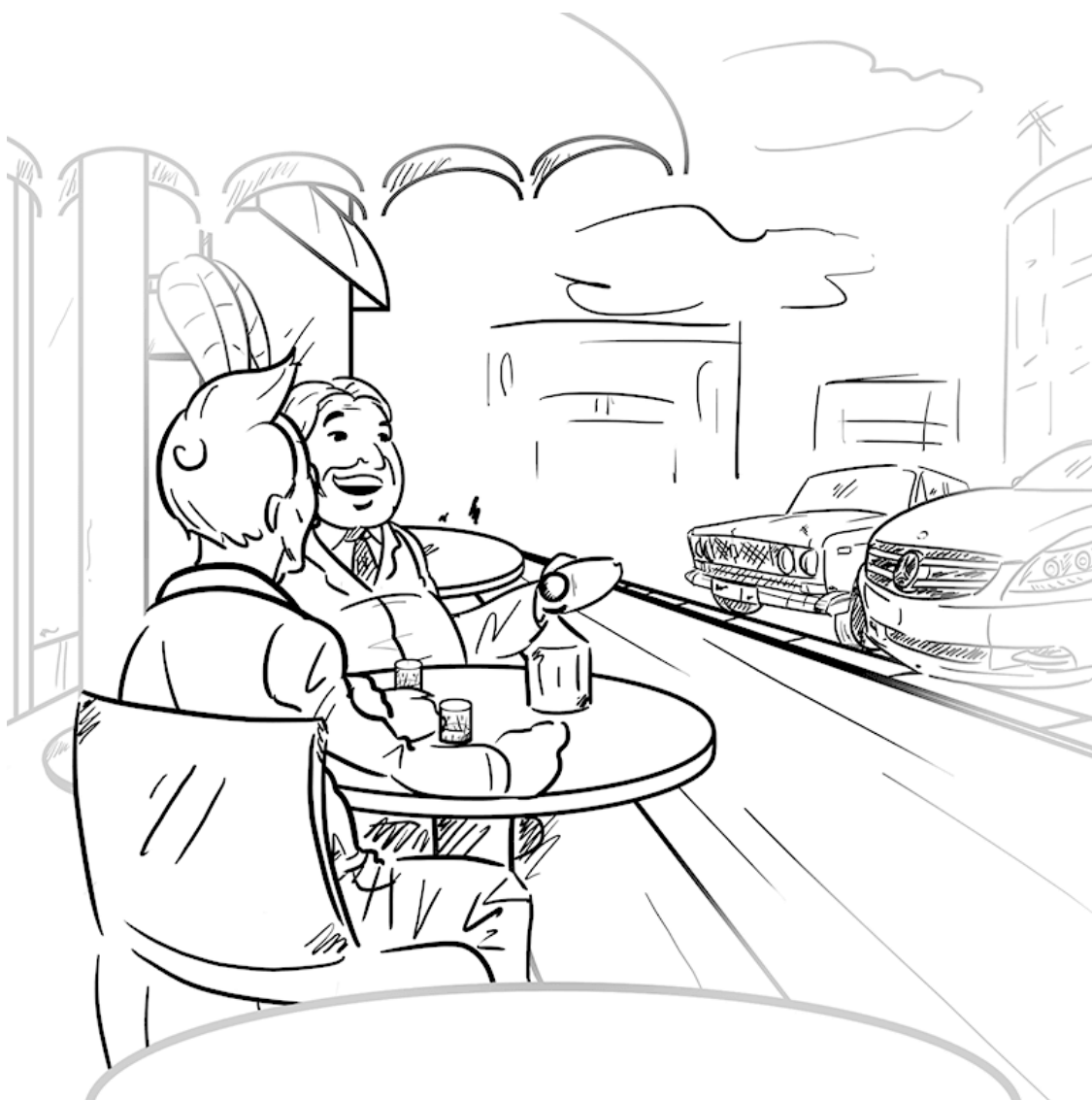
– Зуб даю, Санька, – не унимался израильский предприниматель, – через год, ну, максимум полтора, будешь ездить на таком красавце!

Народ вокруг одобрительно загудел, заерзал пластмассовыми креслами по тротуарной плитке и стал заказывать спиртное. Им тоже нравились «мерседесы». Белые.

– Ну, не знаю... – уже как-то неуверенно сказал Саныч, допивая коньяк и наливая еще, – надо с Олей посоветоваться.

Время реальное

- Ну, и как? С Олькой своей посоветовался? – хрустя огурчиком, спросил Дед.
- В том-то и дело, что не успел. Хотя ты знаешь, пап, решение для себя, конечно, принял.
- Ну?
- Своя клиника. Самостоятельная работа. Возможность заниматься наукой, – загибая пальцы, отвечал Сан Саныч.
- Зарплата!
- Да, зарплата. В общем, я принял предложение Ройзмана.
- Одобряю, сын. Слушай, а где сейчас Танечка? – закатив глаза, погрузился в воспоминания Дед.

- Она жена Лёвы, папа. Но я не думаю, что ему повезло! – засмеялся Саныч, широко разведя руки и показав ширину Танюшиной талии.
- Повеселил! – хохотнул Дед. – А что дальше?
- А дальше... Дальше я трачу пол-аванса на праздничный стол, жду, как дурак, весь в одеколоне свою жену с дня рождения подруги. А ее привозят за полночь на черном «мерсе»

десе», целуют, носят на руках, хватают за задницу... – срывающимся голосом, травмируя психику окружающим, ответил Саныч, закрывая руками лицо.

– Ну как это «целуют»..? – в недоумении переспросил Дед.

Саныч быстро встал из-за стола, захлопнул кухонную дверь и, уже взяв себя в руки, ответил, переходя на полусшепот:

– Взасос, папа, взасос!!!

– Может, ты преувеличиваешь? Может, это дружеский поцелуй на прощанье, – все еще с недоверием переспрашивал Дед, печально глядя на пустые емкости из-под спиртного.

– Ты издеваешься? – опять начал истерить Саныч. – А массаж задницы?

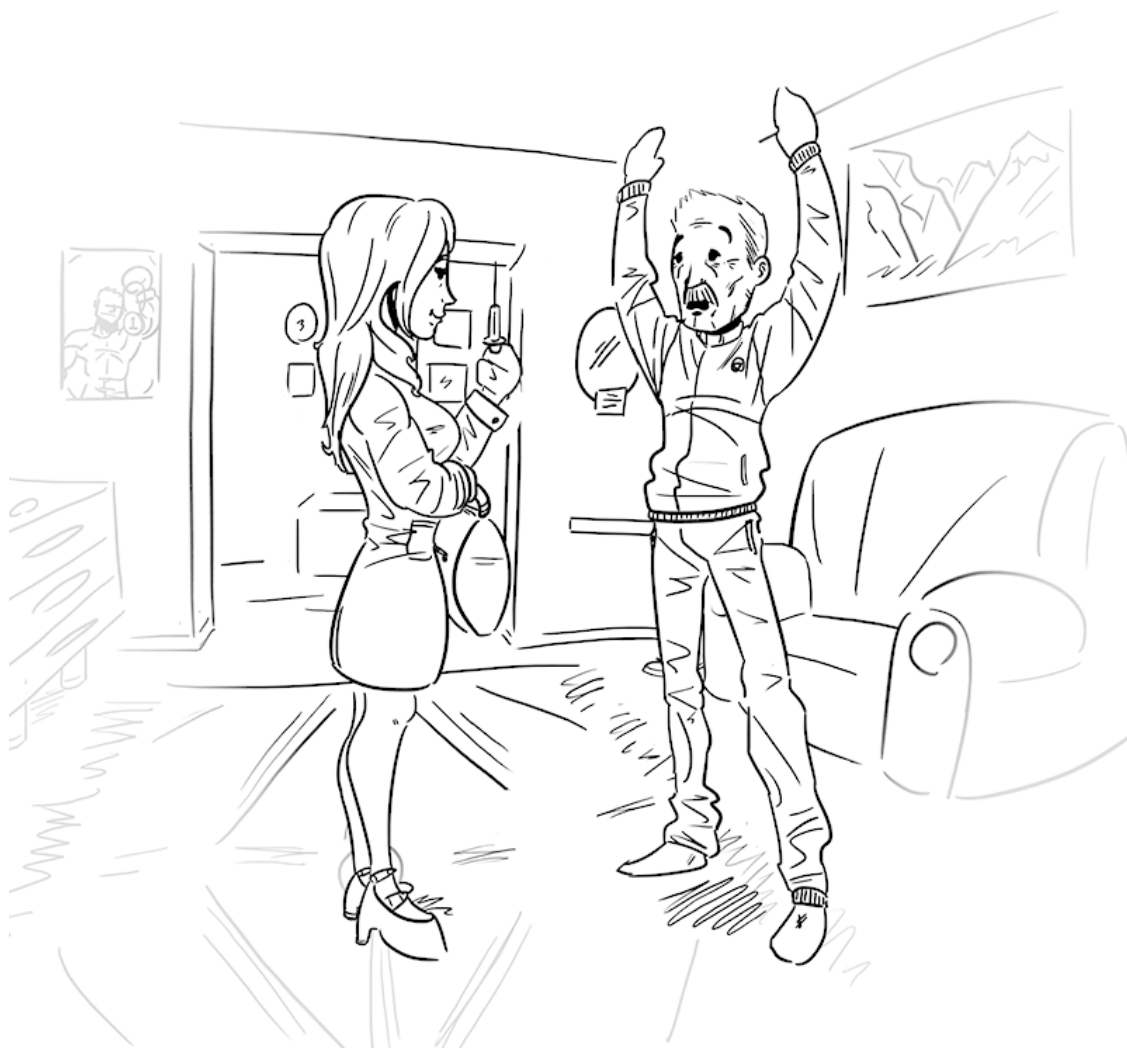
– Как это? – открыл рот Дед.

– А вот так! Вот встань-ка! – начал режиссировать сцену разврата Саныч.

Дед послушно встал, вытерев о белый банный халат руки, запачканные в кетчупе, и вышел из-за стола. Саныч эдаким самцом подошел к Деду, закинул его руки себе на плечи, прижался к нему всем корпусом и стал мять дедовские ягодички, приговаривая:

– Ну как? Как тебе, нравится? Нравится?

– Да, в общем... безобразие, конечно! – нежно отстраняя от себя сына, сказал Дед. – Иди-ка спать, сынок. Завтра договорим и что-нибудь придумаем. Посуду сам помою.

Укольчик не желаете?

Утренняя пробежка в начале следующего дня дала положительные результаты. Кошмары с массажем ягодиц и поцелуями взасос перестали будоражить пожилое сознание, а после чашечки крепкого кофе вернулось позитивное настроение, отличающее работающего пенсионера от... просто работающего. Мужики уже разбежались, оставив на столе грязную посуду, неубранные постели, перепутанные зубные щетки и грязные носки у подножья стиральной машины.

Сваливая грязную посуду в мойку, Дед для себя справедливо решил, что теперь этим заниматься будет кто-то из младших Михайловых, а не глава династии и собственник трехкомнатной квартиры в центре. «Пусть хоть монету бросают...» – подумал Дед, повязывая пестрый передник Антонины Петровны и надевая розовые резиновые перчатки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.